

ПРОГУЛКИ ПО СЕРЕБРЯНОМУ ВЕКУ:
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Вячеслав Недошивин
ПРОГУЛКИ ПО СЕРЕБРЯНОМУ ВЕКУ:
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Очень личные истории
из жизни петербургских зданий

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНЬ ШУБИНОЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1.09 (47.23–25)
ББК 83.3 (2Рос=Рус)+26.89 (2–2 Санкт-Петербург)
Н42

Оформление переплета – Антон Ходаковский

Автор и издательство приносят глубокую благодарность Государственному Литературному музею, его сотрудникам и лично заместителю директора Е.Д.Михайловой за помощь в подборе фотографий из фондов музея и разрешение использовать их в данном издании

Недошин, Вячеслав Михайлович.

Н42 Прогулки по Серебряному веку: Санкт-Петербург / Вячеслав Недошин. – Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2017 – 508, [4] с.: ил.
ISBN 978-5-17-084208-7

Книга Вячеслава Недошина воссоздает вольную, загадочную атмосферу великолепного и незабываемого Серебряного века. События, о которых повествуется, имеют конкретные адреса – улицы и дома Петербурга, где легенды русской поэзии: Блок, Есенин, Мандельштам, Хлебников, Ахматова, Гумилев, Волошин, Ходасевич, Кузмин, Северянин – жили, встречались, писали стихи, дружили, ссорились, влюблялись и даже, случалось, вызывали друг друга на дуэль...

Снабженное указателем адресов, издание «Прогулки по Серебряному веку» может служить литературным путеводителем по Санкт-Петербургу.

УДК 821.161.1.09 (47.23–25)
ББК 83.3 (2Рос=Рус)+26.89 (2–2 Санкт-Петербург)

Подписано в печать 27.03.2017. Формат 70 90¹/₁₆
Печать офсетная. Усл. печ. л. 37,44.
Доп. тираж 2000 экз. Заказ № .

ISBN 978-5-17-084208-7

© Недошин В.М.
© ООО «Издательство АСТ»

У каждого здания своя история,
каждое несет через столетия рассказ
о жизни своих обитателей
и о происшествиях того времени.
В них стиль, вкус и характер
эпохи дней прошлого...

Анатоль Франс

Гале – жене и помощнице...

ОТ АВТОРА

По этому городу нужно ходить на цыпочках, а если разговаривать – то шепотом. Этого, разумеется, никто не делает: ни туристы, ни уж тем более шумная и растрепанная молодежь, перелетающая с улицы на улицу. Я думаю, это – временно. Рано или поздно, если захотят всмотреться в город, прислушаться к его камням, они все равно перейдут с безумной побегки, с привычного ора на почти беззвучный шепот и очарованный шаг. Иначе ведь не понять этого чуда, этой необъятной гранитной иконописи, с которой можно слой за слоем, как это делают терпеливые реставраторы, «смывать» историю за историей. Вообще историю – в прямом смысле этого слова. Иначе никогда не увидать мелькнувшую в окне за серо-палевой шторой тень бесплотной Ахматовой; не поймать жуткого взгляда летящего в таксомоторе на свою первую и единственную дуэль Волошина; не улыбнуться прыгающей походке Мандельштама, спешащего сквозь танцующую метель на Марсовом поле за широко шагающим Гумилевым, и не услышать за плеском вёсел и криками потревоженных чачек на рассветных Островах, что же там, в лодке, нашептывает улыбчивой красавице с пепельными волосами Александр Блок...

Я люблю ходить к домашним «гнездам» поэтов. «Шоколадные, кирпичные невысокие дома, здравствуй, здравствуй, петербургская несуровая зима!..» Их, домов, где жили или бывали мои любимые поэты, сохранилось всего-то, ну, сотня, ну, может быть – другая. Отнюдь не шоколадные – всякие, в том числе совсем обветшавшие, – они стоят и в маленьких переулках, и на широких проспектах. И по-прежнему безымянны, ибо никто не зовет их «блоковскими» или «есенинскими» домами. На фасадах их пока еще не висят мемориальные доски, сообщающие, кто здесь жил и когда.

Повезло «золотому веку» русской литературы – мемориальные доски, как ордена, сияют на его домах. А вот поэтам века Серебряного – как с легкой руки писателя Иванова-Разумника была названа первая четверть XX века – повезло значительно меньше. Их имена не только не выбивались на мраморных досках – они, на моей еще памяти, буквально выжигались из нашей жизни. Ведь век-то, стоит копнуть любой исторический документ, всегда готов обернуться, сверкнуть отнюдь не праздничным серебром – диким переливом парной крови.

Но именно тогда довелось жить Блоку и Сологубу, Кузмину и Мандельштаму, Ходасевичу и Северянину, Ахматовой и Гумилеву – легендам русской поэзии. И нам,

с каждым вздохом отдаляющимся от их эпохи, все интереснее становится, где, а главное, как жили они под грозными небесами колыбели трех русских революций. В каких домах снимали квартиры, в каких углах устраивали жилища, по каким лестницам поднимались, где влюблялись, пировали, стрелялись на дуэлях и встречались порой в последний раз? Ведь образно говоря, если есть история литературы, то есть и живая «география» ее. Тот неизвестный, ушедший, казалось, в небытие Петербург, по которому, зная факты и имея хоть капельку воображения, можно легко, следя за судьбами поэтов, пройти след в след – пешком.

Знаете ли вы, про какое окно Блок написал, что оно «горит не от одной зари»? Из какого окна Владислав Ходасевич высматривал идущую к нему на свидание Ни ну Берберову или у какого подоконника сидела Анна Ахматова, когда к ней, перед арестом и расстрелом, в последний раз пришел Гумилев? А ведь эти окна и тысяча других таких же еще живы. И разве они не являются, если говорить шире, окнами в глубочайшую духовную культуру Петербурга, в великую историю России?

Звучит, согласен, несколько пафосно. Но если снизить тон, если говорить о вещах приземленных, то нельзя не заметить: сегодня, когда опубликовано то, что так долго было под запретом, когда открываются самые закрытые архивы, когда появляются никогда ранее не читанные мемуары и воспоминания свидетелей того времени, когда сошлись наконец три великих пласта, три необъятных «архипелага» русской словесности – литература запрещенная, эмигрантская и написанная «в стол», – мы вправе констатировать: история ее требует если не создания наново, то хотя бы значительной корректировки. Ведь вчерашние «великие» поэты ныне на наших глазах превращаются вдруг в «знаменитых», а иногда – по нисходящей! – вообще в просто «известных». И, разумеется, наоборот – безвестные дотеле имена неожиданно становятся позарез необходимыми всем. Я и сам, признаюсь, если отбросить холодную объективность повествователя, когда-то считал Ахматову более значимым поэтом, нежели Цветаева, а Пастернака – более великим, чем Мандельштам. Что говорить, сегодня даже знакомые со школы имена Блока, Есенина, Маяковского после новых публикаций, возникших из небытия мемуаров, обнародованных документов вдруг начинают выглядеть иначе – не так, как мы понимали их вчера. По сути, мы открываем сегодня неизвестных, хотя и давно знакомых нам поэтов.

Кто-то очень верно сказал однажды: «правда – в деталях». В бытовых подробностях и творческих экстазах, в шокирующих ситуациях и «говорящих» обстоятельствах, в грубых фактах и трогательных мелочах – в том «соре», из которого и «растет» настоящая поэзия. Именно это больше всего интересовало и вдохновляло меня. Свыше десяти лет выписывал я из мемуаров и воспоминаний даже не важные, казалось, события жизни поэтов, бесконечные «истории любви», сцены и сценки ушедшей уже жизни, сравнивал разные мнения о них и добирал недостающие фак-

ты, которые могли бы «дорисовать» знакомые уже портреты. Это сопоставление фактов, когда тени свидетелей жизни поэтов словно садились в кружок и вспоминали, как все было на самом деле, это сравнение мемуаров, когда об одном и том же случае рассказывают и два, и даже пять человек, было, пожалуй, самым увлекательным в работе над этой книгой. Особенно если «держать в уме» при этом чье-то ироническое выражение, бытующее в мире историков: «Врет, как очевидец». Вот разобраться: где правда, а где ложь, где легенда, миф, сплетня, а где все-таки реальность, – это и было некоей сверхзадачей моей, увы, конечно же, несовершенной и незаконченной еще работы...

Знаю, мне, возможно, возразят: правда – в стихах поэтов. И я соглашусь с этим. Но стихов в этой книге вы почти не найдете. Во-первых, потому, что они, по счастью, все опубликованы ныне и читателю остается только протянуть руку к книжным полкам. А во-вторых, оттого, что жизнь поэтов, включающая в себя и мотивацию создания бессмертных стихов, и темы их, не менее интересна и глубока, но о ней почему-то либо не рассказывается вовсе, либо сообщается скороговоркой, биографическими эпизодами в сугубо литературоведческих трудах. Упаси меня бог, я ничего не имею против этого достойного труда уважаемых мной людей – из крупиц их изысканий, как в детской игре пазл, складывается в конце концов общая картина жизни писателей. Без их работ не было бы и этой книги. Я – о другом. О том, кто же и когда нарисует эту общую картину? И главное, как? Другими словами, я не раз замечал: те, кто знают и творчество, и жизнь поэта, не пишут, как правило, для «широкого читателя». Пишут научным, «птичьим» языком, который иному человеку не просто скучен – непонятен. А те, кто могут рассказать о поэте увлекательно, чья профессия – писать, те, к сожалению, зачастую не знакомы с предметом и глубоко, и всесторонне. И неосведомленность свою в фактах и деталях (это же сколько, простите, надо прочитать!) пытаются подменить некоей «художественностью», попыткой «реконструировать» жизнь великого человека в меру своего понимания. Примеров тому тьма, я не открываю здесь Америку, вы и сами, не сомневаюсь, не раз «корчились», читая фразы: «Гумилев подумал...», «Блок засомневался...», «Ахматова решила...». Да откуда вы знаете, хочется сказать им, что он «подумал», а она – «решила»?.. И именно этого мне больше всего хотелось (опираясь более чем на три сотни проштудированных свидетельств) избежать в своей книге. А уж что получилось – судить вам, читатели...

Книга, которую вы держите в руках, довольно откровенна. Вы можете спросить: а есть ли предел откровенности в представленных очерках? Есть. Он ровно такой, каким был в первоисточниках – в мемуарах, воспоминаниях, письмах и дневниках моих героев. Вот еще почему, скажу заранее, никаких упреков иных пуритан вроде «подглядывания в замочную скважину» или «копания в грязном белье» я не прини-

маю. Во-первых, откровенным и даже грешным было само «серебряное» время. Во-вторых, знание любовных и прочих «интимных» обстоятельств помогает (что тут поделаешь?) понять и мотивы творчества, и поводы рождения стихов. А в-третьих, и это главное, – не будем забывать, что начиная с символистов (конец XIX века) основным принципом стихотворцев стало, как известно, соединение ЖИЗНИ поэта и его ПОЭЗИИ. Поэты считали (и в этом была известная революционность их), что надо «творить» не столько в стихах, сколько в жизни. И необычную жизнь эту «делать» потом, иногда сознательно *бесстыдно* (подчеркиваю для стыдливых!), «объектом» своей поэзии. События биографии (дуэли, измены, банальные драки, «нетрадиционная ориентация», а порой и не вполне благовидные поступки), равно как и тончайшие переживания поэтов, – все переплавлялось ими в стихи. Это было ошеломляюще ново для России, но в конце концов стало одной из отличительных черт поэзии Серебряного века. Вот еще почему рассказ о жизни поэтов не только может – должен быть предельно откровенен. Другое дело, как заметил один критик, тонкое все равно должно остаться тонким, простота не вправе превращаться в грубость, а вещи чисто житейские должны не унижать героев, а по необходимости «дорисовывать» их. Ведь все в конечном итоге упирается в авторскую меру понимания поэта и его жизни, а та, в свою очередь, зависит уже только от меры личности рассказчика. Подлый рассказчик и напишет подло, за что бы он ни брался...

И последнее. В этой книге двенадцать глав о двенадцати крупнейших поэтах России XX века. Увы, в книге нет отдельных историй, специально посвященных не менее крупным фигурам Серебряного века: Иннокентию Анненскому, Вячеславу Иванову, Андрею Белому, Николаю Клюеву, Зинаиде Гippiус, Константину Фофанову. О них рассказывается, конечно, но, что называется, попутно – на фоне эпохи. Подробнее о некоторых из них я расскажу во втором томе – в книге о Серебряном веке Москвы, где мы будем искать «безымянные дома» Брюсова, Бальмонта, Цветаевой и Пастернака.

А пока – пока отправимся по петербургским адресам поэтов. И начнем с нескольких, никому, кроме специалистов, не известных домов Анны Ахматовой. Тех, в которых она успела пожить в эпоху века «серебра» – до того как на десятилетия поселилась в знаменитом Фонтанном доме. Том самом, где совсем недавно, если судить по меркам вечности, открыли наконец ее музей.

—◆— ПЕТЕРБУРГ —◆—
АННЫ АХМАТОВОЙ

Как люблю, как любила глядеть я
На закованные берега,
На балконы, куда столетья
Не ступала ничья нога.
И воистину ты – столица
Для безумных и светлых нас;
Но когда над Невою длится
Тот особенный, чистый час
И проносится ветер майский
Мимо всех надводных колонн,
Ты – как грешник, видящий райский
Перед смертью сладчайший сон...

1

2

3

4

5

6

7

8

1. Анна Горенко в 16 лет. 2. Анна Ахматова и Николай Гумилев с сыном Львом, 1915. 3. Ольга Глебова-Судейкина, 1910-е. 4. Всеволод Князев, 1910-е. 5. Борис Анреп, 1901. 6. Владимир Шилейко. Рис. М.Фармаковского. 7. Николай Пузин, 1920. 8. Артур Лурье, 1920

1. «ТЫ БУДЕШЬ ПОЭТОМ...»

(Адрес первый: Казанская ул., 4/2)

Иногда мне кажется, что ее не было. Стихи остались – вот они, только руку к полке протяни. А ее нет. И не было. Будто она – миф. Бренд, как сказали бы сегодня. Миф, растиражированный в рассказах, распечатанный в миллионах экземпляров, мельком отразившийся в сотнях чужих зеркал, в десятках воспоминаний, в раздутой до невозможности хвале (к чему она и сама, как известно ныне, приложила руку!) и в невозможной, иногда до низменной грязи, хуле. Легенды, сплетни, тайны, красивые сказки о себе (она их звала «пластинками») и сквозь захлебывающийся восторг мемуаров о ней – вдруг невероятные, порой скандальные, «проговорки». Невольные, как всякие «проговорки», но которые только лишний раз подтверждали: она была совсем не такой, какой хотела казаться... Так какой же была? Она – Великая Ахматова? И Великая ли?

Этот круг очарования и разочарования ею я «прошел» не раз. От «неужели это правда?» до «лучше бы этого не знать совсем!...». Впадал из крайности в крайность, в лед и пламень, в веру и неверие. Пока наконец не понял: есть не одна – три Ахматовых. О, знаю, знаю, мне напомнят, что и сама она на старости лет любила говорить: «Есть одна Ахматова, есть другая, а есть еще и третья». Говорила! Но я имею в виду нечто иное. Была та Ахматова, что выдумывалась ею самой, часто упоительная до умопомрачения, та, о которой с придыханием рассказывали современники, и, наконец, Ахматова – реальная, настоящая. Может, самая интересная. Ведь Петербург, Петроград, Ленинград – не миф же, не сказка, не декорация к ее жизни. Арка на Галерной, «флогарка» в Летнем саду, магазин на углу Литейного, куда забегала в молодости, Троицкий мост, где «придумала» однажды стихотворение про свою жизнь, наконец, шестое окно на Неву, с подоконника которого два года любовалась закатами. Ведь все это не только было – есть и сегодня!

Хотите покажу? Хотите устройю нечто вроде виртуальной экскурсии по ее городу, от дома к дому, по тем более чем ста адресам, где она жила или бывала? И если хотите, то – вперед! От улицы к улице, от детства поэта – к старости, от легенд и намеков – к твердокаменной, именно так, в буквальном смысле слова, твердокаменной правде города...

Вот Казанский собор – самый центр Петербурга. Но если с Невского обогнуть собор справа, вы попадете на неожиданно тихую, неширокую, но такую знаменитую Казанскую улицу. Здесь, ближе к Гороховой, и по сей день стоит дом каретного мастера Иохима, в котором почти сто восемьдесят лет назад жил сначала Адам Мицкевич, а затем сам Николай Гоголь (**Казанская, 39**). А слева, в конце первого переулка (ныне переулок Сергея Тюленина), у самого канала, – и об этом знают меньше – в доме двоюродной сестры Ольги Фрейденберг всегда останавливался москвич Пастернак (**кан. Грибоедова, 37**). Он даже был влюблен в Ольгу, правда, еще в 10-м году теперь уже прошлого столетия.

Но есть на Казанской дом, про который до недавнего времени не знал ничего особо примечательного никто, даже та, что, возможно, жила в нем, – Анна Ахматова. Тогда – Анечка Горенко. Дом №4/2, второй слева, если идти от собора. Но удивительно не это. Удивительно, что спустя тридцать два года Ахматова поселится здесь же, на Казанской, но в доме №3 – ровно напротив того, первого здания. Она, которая слишком любила такого рода совпадения (и они действительно случались в ее жизни!), никогда не поминала дом №4. Не знала. Ведь ей, когда она появилась в нем, было всего два года. Здесь находилась служебная квартира отца. Он и мать Ахматовой не были петербуржцами, семья, переехав в столицу с юга, поселилась сначала в Павловске, потом в Царском Селе. А отец, поступив на службу, то ли получил, то ли снял квартиру на Казанской. Факт этот обнаружил литературовед Вадим Черных – нашел в «Адресной книге г. Санкт-Петербурга на 1892 г.»*. С тех пор это место рискует стать на Казанской самым знаменитым, культовым, как говорят ныне. Только в доме №4 она была младенцем и любила лишь переводные картинки да «китайский чай» (детская забава: чаинки, которые распускаются в воде), а в мрачноватом доме №3 ей было тридцать четыре – ее имя гремело, ей едва ли не поклонялись...

Вообще с адресами, по которым жила Ахматова, все время случались какие-то немислимые совпадения. Скажем, первый дом Ахматовой в Царском Селе, дом купчихи Шухардиной, у которой родители сняли квартиру, стоял на улице Широ-

* В.Черных настаивает, что это была всего лишь служебная квартира отца Анны Ахматовой, Андрея Антоновича Горенко, в прошлом капитана 2-го ранга, старшего штурмана, а в 1891-м, в год жизни здесь, чиновника для особых поручений Государственного контроля и коллежского ассесора. Вполне возможно, хоть и не ясно, что понимать под словом «служебная»: ему дали ее от службы для проживания в ней, дали исключительно для служебных встреч или он сам снял ее, чтобы быть поближе к работе? Почему же не предположить, что семья его бывала здесь, когда приезжала в Петербург? Или даже останавливалась по этому адресу на день-другой? Подтверждений, конечно, этому нет. Это мое предположение. В Петербурге семья могла останавливаться и у сестры отца, у Анны Антоновны Горенко (**8-я Рождественская, ныне 8-я Советская ул., 28**).

1. «Ты будешь поэтом...»

кой. Он сгорел в 1919-м, на его месте привокзальный сквер, а улица получила, конечно же, имя Ленина. Но странность в том, что и последний дом Ахматовой в Петербурге – вообще последний! – тоже встал на бывшей Широкой улице, которая после революции тоже стала именоваться улицей Ленина. Мистика какая-то! Правда, этот последний дом ее, к счастью, цел и сегодня (**ул. Ленина, 34**).

В дом №4 просто так ныне не войдешь. Никаких подъездов снаружи – глухие ворота, закрытые на кодовый замок. Крепость, хранящая свои тайны. Я, правда, проник внутрь, поднимался по лестницам с высокими полукруглыми окнами, но, увы, не знал, в какую квартиру въехал сюда в 1891 году Андрей Антонович Горенко. Знал зато другое, что он, еще мичманом, в 1875 году был приглашен преподавать в Петербургский Морской корпус, да оказался, увы, «неблагонадежен», свел знакомство с террористами и после покушения на Александра II был уволен вчистую. Уехал в Севастополь. Знал, что две из трех сестер отца были близки к «Народной воле», а одна, с красивым именем Аспазия (на деле Евгения), была, кажется, влюблена в Николая Желвакова, студента-убийцу, расстрелявшего из пистолета генерал-майора Стрельникова, прокурора, прославившегося своей жестокостью. Аспазию даже разыскивала полиция. Такая вот родня оказалась у Ахматовой. Правда, сама она, кажется, ничего этого не знала, хотя в семнадцать лет жила на даче у Аспазии. А может, и не интересовалась. Упоминаний об этом я, во всяком случае, не встречал нигде, даже у исследователей Ахматовой*.

В доме на Казанской Горенко поселился, имея на руках троих детей: Инну, Андрея и Анну. И случилось это как раз в год, когда умер его отец, дед Ахматовой, к тому времени полковник Антон Горенко, участник обороны Севастополя. Это он был женат на полугречанке, от которой Ахматовой и достался знаменитый нос с горбинкой. «Профиль моей дорогой сестры, – писал потом брат Ахматовой Виктор, – есть наследство от бабушки-гречанки...»

Пишу это к тому, что ныне любой скажет – Ахматова вела род от татарского хана. Увы, литературоведы доказали: ее происхождение от золотоордынского хана Ахмата, «чингизида», последнего татарского хана на Руси, – миф. Образ татарской княжны – легенда, придуманная Ахматовой. Может, первая из легенд, первая ее «пластинка». На самом деле прабабушка ее, Мотовилова, носила в девичестве фамилию Ахматова, но к золотоордынцам эта женщина с незамысловатым именем Прасковья Федосеевна (не умевшая, кстати, ни читать, ни писать) отношения не имела. Ахматова знала это, знала в том числе из записок, которые оставил ее дед по матери, Эразм Стогов. Но признать сей факт – значило бы раз-

* Сведения об Аспазии Горенко и Николае Желвакове я почерпнул из прекрасной книги Ирэны Желваковой «От девичьего поля до Елисейских полей», изданной в 2005 г.